

греки не сделали ни единой попытки — подобно туземцам Крита — схватиться за оружие и стряхнуть с себя железные цепи ленной системы.

Вторгшиеся в Пелопоннес франкские властители обеспечили за собой обладание страной тем, что поспешили понастроить укрепленных замков, подобно тому, как это совершили норманны по завоевании Англии. Тем не менее, однако же, и славянские племена, и греки от времени до времени восставали в Морее против чужеземцев, особенно после того, как византийский император подчинил себе опять Лаконию.

В Аттике и Беотии бургундское дворянство точно так же возводило для себя замки, но далеко не в том количестве, как франки в Пелопоннесе. Впрочем, ведь и греческое население в Элладе вообще было менее воинственно и менее плотно и послабее, чем население нагорного полуострова. Оно хотя и с ропотом, но беспрекословно влачило ярмо латинских завоевателей, несмотря на малочисленность последних. Эта неспособность к сопротивлению может показаться зазорной, но такое же зрелище представляла Италия в эпоху готов и лангобардов, да и в наши дни разве 300 миллионов индусов не подчиняются послушно 150 000 правящих ими англичан и европейцев?

3. Единственным убежищем для обширной греческой семьи во всей империи, распавшейся на части, являлась Восточная церковь. Жизненное начало последней оказалось более незыблемым, чем устои Константинова государства. Каким насилиям ни подвергался организм Восточной церкви, она, будучи силой духовной, глубоко внедрившейся во все три части римского света, не могла, подобно греческому царству, пасть под грубым произволом чужестранных завоевателей.

Преднамеренное угнетение великой Восточной церкви пятнает Запад несравненно более, нежели разрушение Ромейского царства, а в истории жизни прославленного папы Иннокентия III предприятие это составляет гораздо более мрачную главу, чем злодейское искоренение альбигойцев в Южной Франции.